

МУРЗИЛКА

Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов

№ 3

1951

8 МАРТА

Как рокот разбуженных бурей морей,
Звучат над землёй голоса матерей.
Сильны правотой и единством своим,
Они повторяют: «Мы мир отстоим!»

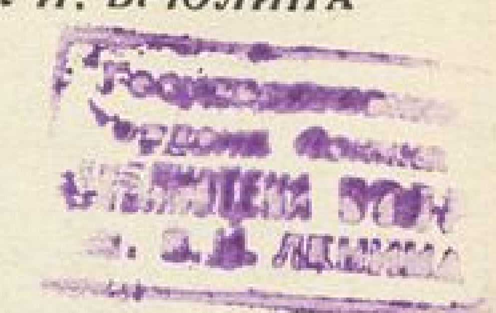
По мартовской светлой любимой Москве
Мы с мамой на праздник сегодня идём.
А облако в ясной блестит синеве
И голубем белым летит над Кремлём.

Быть может, и Сталин взглянул из окна
На этот просторный родной небосвод.
Нам с ним никакая гроза не страшна,
Он к миру и счастью народы ведёт!

О. Высотская

Н. АРТЮХОВА

Рис. В. ВЫСОЦКОГО и И. БРЮЛИНА

ТОЧКА

Боря проспал. Когда он открыл глаза, мама уже надевала шубу.

— Чайник ещё тёплый, — сказала она, — а на завтрак...

— Мама, постой, не уходи!

— Стою, — ответила мама.

Боря торопливо оделся, оторвал листок календаря и достал из-под подушки небольшой свёрток. Потом выпрямился с торжественным видом:

— Мама! Поздравляю тебя с вашим женским международным днём! А это тебе сюрприз.

— Спасибо, дорогой, — сказала мама. — Какая хорошенькая записная книжка! Неужели сам сделал?

Боре вдруг показалось, что записная книжка — это, пожалуй, всё-таки не очень интересно. Он не удержался и прибавил:

— Будет ещё один сюрприз, ты не думай.

— Я не думаю.

Мама поцеловала его и хотела итти. Уже в дверях она обернулась, окинула взглядом комнату, вышитую скатерть на столе и сказала без уверенности в голосе:

— Боря, ты уж будь поаккуратнее... Может быть, бабушка вечером зайдёт... Перед школой съешь винегрет, а к твоему возвращению и обед поспеет. Я сегодня рано вернусь. Жалко вот, пол вчера не успела помыть.

— Так это очень хорошо! — сказал Боря.

— Что же хорошо-то? — удивилась мама.

— Очень хорошо, что ты рано вернёшься!

Когда дверь за мамой захлопнулась, Боря радостно воскликнул:

— Ага! Не успела помыть! Тем лучше! — и побежал на кухню.

Так... На столе прикрытые полотенцем две тарелки и две чашки от вчерашнего ужина. (У мамы на заводе после собрания был концерт, и она вернулась поздно.) Кастрюля из-под каши не вычищена, а только наполнена водой, чтобы отмокла. Повезло! Мимоходом Боря заглянул в корзину, с которой мама ходила за картошкой и овощами. Корзина была почти пуста.

— Ура! — воскликнул Боря.

Он быстро напился чаю и остановился посередине комнаты с видом полководца, обдумывающего план наступательной операции: ударить ли с флангов или итти прямо в лобовую атаку на центральные позиции?

— Ничего, — решил он, — начнём с самого трудного!

Он засучил рукава и вылил в ведро остатки горячей воды из чайника.

Мыть пол Боре никогда не приходилось, но он хорошо знал, как это делается. Главное — не жалеть воды, водить тряпкой туда и сюда, в трудных случаях скрести ножом, и переставлять все вещи в комнате.

Боря то пыхтел нагнувшись, то присаживался на корточки; отодвигал свою кровать и нырял с головой на четвереньках под тяжёлую мамину. Комод и папин письменный стол сдвинуть с места не удалось, но ведь даже мама не каждый раз это делает.

Допятившись, наконец, до двери, Боря поднял голову и посмотрел на часы. Большая стрелка самым неожиданным образом передвинулась больше чем на полкруга.

«Ого, — подумал Боря, — надо торопиться!»

В кухне дело пошло быстрее, потому что меньше вещей нужно было передвигать. Домыв кухню до середины, Боря всё-таки почувствовал, что устал. К счастью, он догадался представить себя юнгой, драящим палубу на трёхмачтовом бриге под суровым взглядом старого боцмана.

Покончив с палубой, юнга спустился в камбуз (то-есть подошёл к кухонному столу) и превратился в корабельного кока.

Наконец и тарелки были вымыты и кастрюля доведена до серебряного блеска.

Несколько раз Боря бегал взглянуть на часы. Ему казалось, что невидимая рука быстро переводит стрелку — с десяти сразу на половину одиннадцатого, с одиннадцати на без четверти двенадцать.

А ведь ещё нужно было пополнить трюм свежей провизией.

Боря выдвинул ящик стола, где лежали деньги на хозяйственные расходы, подсчитал что-то, шевеля губами и загибая пальцы. Через минуту, с корзиной в руке, он уже мчался по лестнице, то-есть по трапу, вниз.

Подойдя к прилавку, Боря кашлянул, прочищая горло, и сказал как можно более взрослым голосом:

— Пожалуйста, дайте мне полкило самого лучшего мяса... на вашу совесть!

Так всегда говорила бабушка, покупая мясо.

Толстый продавец посмотрел на Борю сверху вниз, потом перевёл оценивающий взгляд на полки с разложенным на них товаром. Наконец, крякнув, отрубил от большого куска и сказал:

— Получайте, молодой человек, останетесь довольны!

Боря забежал в зеленное отделение, потом в булочную, а вернувшись домой, ахнул, взглянув на часы.

Ни один корабельный кок не чистил картошку с такой быстротой и прилежанием. Наконец кастрюлька была полна и залита доверху водой, мясо и овощи вымыты и красиво разложены на тарелке.

Рядом на кухонном столе Боря положил записку:

— Мама, это тебе сюрприз!

Такие же записки, написанные более крупными буквами, были положены на полу, в кухне и в комнате. А на комоде, на самом видном месте, ещё одна записка:

«Мама, я взял из красной коробочки 20 руб. 40 коп., это тоже сюрприз, он в кухне».

Боря почувствовал, что очень проголодался. Нужно было поскорее съесть винегрет и бежать в школу. В самую последнюю минуту, споласкивая тарелку под краном, Боря вдруг с ужасом подумал:

«Батюшки! А уроки?!»

* * *

Когда не выучишь урока, что лучше: сидеть, потупив глаза с видом скромным и независимым, или, наоборот, бодро и самоуверенно смотреть прямо на Антонину Николаевну: спрашивайте — я, мол, ничего не имею против?..

Впрочем, есть ещё третий способ... Но это нужно сделать сразу, перед началом уроков: встать и сказать со всей откровенностью:

«Антонина Николаевна, я сегодня не выучил урока, не спрашивайте меня, пожалуйста!»

Но ведь так говорят, если заболеет кто-нибудь или ещё какая-нибудь уважительная причина...

А в классе все такие парадные и торжественные, так хорошо пахнет мимоза в баночке на столе учительницы! И сама Антонина Николаевна какая-то особенная сегодня, радостная, даже как будто помолодевшая... Может быть, не спросит?..

Вот она раскрыла журнал второго класса «Б».

Даже наверное не спросит — ведь спрашивала прошлый раз по арифметике, и по русскому вызывала к доске... Она будет спрашивать тех, в ком она не уверена, кому нужно в конце четверти исправить плохие ответы...

Конечно, не спросит! Отмолчаться — и всё!

Боря опустил глаза — по первому способу. Потом — по второму способу — посмотрел прямо на Антонину Николаевну.

И вдруг — по третьему способу — встал и сказал:

— Антонина Николаевна, простите меня, пожалуйста, я не выучил урока. Спросите меня в другой раз!

В классе стояла напряжённая тишина.

Антонина Николаевна удивлённо спросила:

— Совсем не учил?

— Совсем не учил.

— Почему же так?

— Я, Антонина Николаевна... сюрприз хотел сделать!

Антонина Николаевна усмехнулась.

— Спасибо за такой сюрприз. Я действительно не ожидала от тебя этого.

Ребята сдержанно фыркнули.

— Не вам сюрприз! — краснея всё больше и больше, ответил Боря. — Маме моей сюрприз! Ну... подарок к женскому дню!

Опять смешок пробежал по классу.

— Погоди, погоди! — улыбаясь, сказала Антонина Николаевна. — Я что-то не понимаю: какой же это подарок — не выучить урока?

Боря ответил горячо:

— Я не про уроки! Мама весь год для меня всё делает. А сегодня я для неё всё хотел сделать, чтобы она пришла, а всё уже готово.

И он рассказал про свои хозяйственные хлопоты.

Теперь ребята смотрели на Борю с уважением, а на Антонину Николаевну вопросительно: как же она решит?

— И пол вымыл? — недоверчиво спросил Андрюша, Борин сосед по парте.

— И пол! — с гордостью ответил Боря.

— Молодец! — сказала Антонина Николаевна. — Это очень хорошо, что ты маме помочь захотел. Но как же всё-таки с уроками получилось? Нужно было вчера сделать.

— Я и хотел вчера вечером, — смущённо ответил Боря. — А потом пошёл гулять, решил, что сегодня успею... Я не думал, что это так долго... все мамины дела делать!

— Да, — сказала Антонина Николаевна, — мамины дела долгие. В особенности для непривычного человека!

Она придвинула к себе журнал и поставила против Бориной фамилии большую чёрную точку. Из точки может выйти и плохое и хорошее. Точка — это значит, что спрашивать будут очень строго, и не только один заданный урок, а гораздо больше. Точка — это значит: помни и очень старайся!

— Антонина Николаевна, я всё выучу. Когда хотите, спрашивайте! — взволнованно сказал Боря.

— Не сомневаюсь в этом, — спокойно ответила Антонина Николаевна. — А теперь, ребята, скажите-ка мне, как вы своим мамам помогаете?

— В международный женский день? — спросил Андрюша.

— А сколько ещё дней в году, кроме международного женского дня, кто знает?

* * *

Вечером Боря сидел в кресле у письменного стола и, вздыхая, перелистывал календарь. Да, как ни считай, 298 дней только до Нового года, да после Нового года ещё 66.

Мама вышла из комнаты — помыть яблоки, которые принёс папа. Папа громко расхваливал обед. Бабушка ему подкладывала на тарелку, а он, улыбаясь, посматривал на Борю с одобрением и соболезнованием.

Мама, конечно, знала, что такое точка, а папа и бабушка не очень в этом разбирались.

— Ну, понимаешь, папа, это значит всё время помнить и очень стараться!

Боря опять вздохнул, перелистывая календарь.

— Знаешь, бабушка, — сказал он. — К следующему восьмому марта я начну маме подарок заранее готовить. Я так сделаю: запишу себе на каждый день что-нибудь вот здесь, в календаре. Ну, завтра, например, картошку почистить, а послезавтра комнату подмести...

— Правильно, — сказал папа, — по графику, без штурмовщины.

Бабушка спросила:

— А стоит ли записывать? Может быть, просто спрашивать маму, что нужно сделать?

— Каждый день? — Боря посмотрел на толстый календарь. — Все триста шестьдесят пять дней?

— В будущем году будет триста шестьдесят шесть — високосный год, — сказал папа.

— Ого! — Боря задумался. — Ну что ж, попробую!.. Хорошо, записывать я не буду, я себе на каждом листке точку поставлю!

Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

Эти девочки пришли в гости к работницам фабрики «Парижская Коммуна».

Депутат Верховного Совета РСФСР Лидия Корабельникова встретила гостей, показала, как делают красивые, прочные ботинки для ребят, и рассказала о том, как работает её бригада.

Раньше от каждой пары ботинок оставалось немножко ценного материала. Лидия Корабельникова решила сберечь этот материал для народа. Она сама стала работать аккуратнее и других научила работать так, чтобы ничего не пропадало. За год из сбережённых материалов сделали тринадцать тысяч пар ботинок.

Весь народ знает о делах бригады Корабельниковой. Знают о них и в странах народной демократии. Осенью прошлого года на II всемирном конгрессе сторонников мира Лидия Корабельникова встретила многих молодых рабочих, которые стараются работать так же, как и она.

АНГЕЛИТО

Я хочу вас на минуточку перенести в главный город Испании — в Мадрид. Летом там очень жарко. В узких улочках гудят машины, звенят трамваи, ревут ослы, пронзительно зазывают покупателей продавцы вина и гранат... Но громче всех раздаётся звонкий голос:

— Агуа фриа!

Прохожие оглядываются. Они видят мальчика. Его широченные штаны еле держатся на тесёмке, перекинутой наискось через голое плечо. На голове у него возвышается огромный глиняный кувшин. Покачиваясь под его тяжестью, мальчик протяжно выводит:

— Агуа фриа!

В знойный день особенно приятно услышать эти слова, потому что означают они: холодная вода. Прохожие щёлкают пальцами, точно кастаньетами:

— Эй, кувшин, сюда!

Некоторые знают мальчика по имени:

— Угости, Ангелито!

Прохожий в потёртом берете щёлкает жёлтыми пальцами:

— Эй, холодная вода!

Ангелито подбегает к нему. По желтизне пальцев он догадывается, что перед ним рабочий табачной фабрики. Он снимает кувшин и бережно нагибает его над глиняной чашкой. С тихим вкусным бульканьем льётся вода. Ангелито внимательно следит за тоненькой послушной струйкой. Пролить нельзя ни капли! Вода достаётся ему нелегко. Её в городе мало. Недаром испанцы говорят: «Даже птица, пролетая над Мадридом, берёт с собой в клюве запас воды».

Для того чтобы наполнить кувшин, Ангелито встал очень рано. Первым делом он натянул на себя широченные штаны с большим карманом на животе. Эти штаны ему сшила его сестра Мария. Она хорошо шьёт и работает на швейной фабрике сеньоры Родриго. Потом он съел горсть жареных желудей и побежал с кувшином через весь Мадрид к реке Мансанарес.

Там он долго барахтался в прохладной воде, чтобы набраться бодрости на весь день. Потом он вволю, доотказа, напился, чтобы после не хотелось пить. Потом набрал полный кувшин, поставил его на голову и пошёл с ним бродить по улицам, выкрикивая:

— Агуа фриа!

Сначала покупателей было немного, но чем выше поднималось солнце, тем чаще раздавалось:

— Эй, кувшин, угости!

И Ангелито угощал. И вот сейчас он угощает рабочего с табачной фабрики. Тот взял жёлтыми пальцами чашку, осторожно поднёс её ко рту и стал не спеша пить маленькими глоточками. Голова его всё больше запрокидывалась, и Ангелито снизу увидел, как на шее у рабочего под морщинистой кожей перекатывается какой-то шарик. Он протянул руку и тихо сказал:

— А как вы... насчёт этого... насчёт войны?

— Войны?! — удивился рабочий и стал вытирать кулаком губы. — Какой войны?

— А вот... тут написано... Сейчас... — заторопился Ангелито и достал из своего бездонного кармана листок бумаги. — Вот... прочитайте... написано...

Рабочий, озираясь, взял листок:

— Откуда это у тебя, малыш?

Ангелито молчит. Вчера он пришёл домой поздно вечером, усталый после целого дня беготни, повалился в углу на мешок и заснул с зажатыми в кулаке мелкими монетками. Посреди ночи пришла с фабрики Мария. Ангелито проснулся и стал смотреть на сестру. Она сидела у стола и при свете огарка перебирала какие-то бумаги.

— Мария, что это — письма? — спросил он.

Она обернулась.

— Нет, не письма! Спи!

— А что?

— Ты не поймёшь, тебе ещё рано. Спи!

— Нет, не рано! Нет, пойму! — обиделся Ангелито. — Я даже теперь сам деньги зарабатываю. — Он протянул сестре горсть мелких, ещё тёплых монеток. — Видишь?

Она улыбнулась и опустилась рядом с ним на спальный мешок.

— Ну, хорошо, Ангелито! Вот, смотри! — Она показала ему бумагу. Но Ангелито не умел читать. Он был слишком беден и в школу не ходил. Он спросил:

— А что тут написано?

Мария рассказала ему, что на свете есть кучка очень богатых и очень жестоких людей, которые хотят войны. Зато все остальные люди на земле хотят жить в мире. И вот если все-все подпишут эту бумагу, тогда войны не будет.

Ангелито смотрит на белый листок, покрытый чёрными буквами.

— А можно, Мария, я тоже подпишусь? Можно?

Мария гладит его по чёрной курчавой голове.

— Ты ведь писать не умеешь, дурачок!

— Ничего. Писать не умею, а подписываться умею!

Он находит на полу обрывок старой газеты и огрызком чернильного карандаша старательно выводит какие-то каракули. Потом он показывает сестре свою «подпись»:

— Видишь? Можно, я подпишусь?

— Нет, Ангелито! Я собираю подписи взрослых, а ты ещё маленький.

Ангелито щурится на пламя свечи, которое то вытягивается, то съёживается.

— А тебе ещё много их собирать, подписей этих?

— Много! Чем больше, тем лучше.

— А можно, — спрашивает Ангелито, — я тоже буду это делать? Я смогу!..

— Что ты! Нет, нет! — обнимает его Мария. — Тебя ещё поймает полиция.

— Не поймают... Я ловкий... Вот увидишь!..

Он долго уговаривает сестру. Наконец она соглашается, даёт ему карандаш, бумагу и объясняет, как надо собирать подписи. Он кивает курчавой головой, прячет всё в карман и засыпает. А Мария ещё долго сидит возле спящего брата, хотя над Мадридом уже давно стоит чёрная душная ночь...

И вот сейчас Ангелито протягивает рабочему белый листок и тихо, как учила Мария, говорит:

— Тут всё написано... Вы только прочитайте и подпишите. И тогда не будет войны, понимаете?

Рабочий, то и дело оглядываясь, читает бумагу.

— Правильно! Тут всё правильно. Святые слова!

Он сжимает толстыми жёлтыми пальцами карандаш, Ангелито смачивает водой из кувшина бумагу, и подпись получается яркая, сочная, тёмно-лиловая.

— Грасиас! Спасибо! — говорит Ангелито. — Пейте ещё.

— Не надо! Грасиас! — отвечает рабо-

чий. — Твоя бумага бодрит лучше, чем твоя вода. Только берегись полиции, малыш!

— Ничего!

Ангелито ставит кувшин на голову, и среди уличного шума снова раздаётся протяжное, звонкое:

— Агуа фриа!

Он долго бродит по улицам. Каждому, кто просит у него напиться, он смело протягивает бумагу и карандаш. Он знает, что богатые сеньоры его не остановят. Им не нужна мутная речная вода. Они могут выпить вина, съесть апельсин, полакомиться фигами или гранатами. Его покупатели — народ простой: погонщики мулов, батраки, рабочие... Они все против войны!

Он вышел на главную улицу. Седая старая дама в чёрном платье, в длинных, по локоть, перчатках остановила его.

— Мальчик, налей! Только полнее лей, полнее!

Он подал ей полнёхонькую чашку. Она стала жадно пить. Пока она пила, Ангелито набрался храбрости, достал из кармана свою бумагу и тихо сказал:

— Сеньора, вот, пожалуйста, прочитайте и подпишите... чтобы не было войны!

— Что?! — Сеньора залпом допила чашку, взяла листок и вдруг костлявыми пальцами, точно щипцами, схватила Анге-

лито за руку: — Где ты это взял, дрянной мальчишка?

Ангелито растерялся. Он хочет вырваться, но не тут-то было. Старуха крепко держит его.

— Пресвятая дева! — кричит она. — У меня на фабрике полно этих мерзких бумажек! А теперь они даже на улице!

Только сейчас Ангелито узнал её. Это сеньора Родриго, хозяйка швейной фабрики. Зачем же понадобилась ей мутная речная вода? И Ангелито понял: эта сеньора не только чудовищно богата, но и чудовищно скупа!

— Пустите, сеньора! — жалобно просит он.

— Нет! Нет! Стой! Полиция! — с новой силой закричала сеньора, ещё крепче стискивая железными пальцами локоть Ангелито. — Да сбегайте же кто-нибудь за полицией!

Кругом собирается народ: рабочие в потёртых беретах, батраки в огромных шляпах — сомбреро, погонщики мулов в шапочках с висящими надо лбом кисточками... Но никто не торопится итти за полицией.

— Пустите! — ноет Ангелито. — Я только кувшин поставлю!..

Железные пальцы чуть разжимаются. Ангелито освобождает руку, ставит тяжёлый кувшин на тротуар... и вдруг рывком выхватывает из рук сеньоры бумагу, кидается в сторону и принимается со всех ног бежать по горячему, мягкому асфальту!

— Держите, держите его! — закричала сеньора.

Но никто не стал задерживать Ангелито. Народ расступался перед ним. «Беги, беги, малыш!» — слышал он за собой тихий шелест голосов.

— Полиция! — кричала сеньора. — Где же полиция?

Наконец появился полицейский. Размахивая дубинкой, он побежал за Ангелито. Но прохожие, как будто нечаянно, всё время становились на его пути. Он то и дело натыкался на кого-нибудь...

А маленький Ангелито тем временем юркнул в один переулок, в другой, пробежал проходным двором и понёсся на окраину города, к реке Мансанарес.

Вот и река. Ангелито остановился перевести дух. Сколько здесь воды! Сколько народу можно напоить!

Но поить нечем! Кувшин остался там, на главной улице, и скупая старуха, конечно, утащила его к себе.

Ангелито раздевается, бережно прячет штаны с драгоценной бумагой под камень, ныряет в прохладную воду и думает:

«Жалко кувшин! Такой был большой, хороший. Ну ничего. А зато войны не будет. Это всё-таки важней. — Он жадно глотает желтоватую воду. — А кувшин Мария купит новый...» И тогда он будет снова ходить по улицам и снова будет звонко выкрикивать:

— Агуа фриа! Холодная вода!..

Рис. В. ГОРЯЕВА

За мир геройски борются
Дети разных стран.

Утром вышла школьница
В лондонский туман.

О мире эта школьница
Заводит разговор,
И сразу люди сходятся,
Народ идёт во двор.

Со
Вы
И
По

обираются жильцы,
ходят из квартир,
на листе растут столбцы
дписей за мир.

Считает только полисмен,
Что в доме всё без перемен.

А. Барто

ЕЛЕНА ИЛЬИНА

Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ

ПОХОД ЗА СЕМЕНАМИ

(Из повести „Всегда готовы“)

Поход был назначен на ближайшее воскресенье.

Придя в субботу из школы, Катя сказала бабушке:

— Завтра, ровно в одиннадцать часов утра, мы едем в лес!

Бабушка поглядела на заиндевевшие окна.

— Посмотрим ещё, какая будет погода.

— Какая бы ни была, я еду! — решительно сказала Катя. — Ты подумай, бабушка: мы соберём семена, из семян вырастет лес, и этот лес будет защищать поля от засухи. А если мы семян не соберём, налетит чёрная буря — суховей, всё высохнет, и будет плохой урожай!

Бабушка усмехнулась:

— Так уж сразу всё и высохнет?

— Конечно, высохнет! — со слезами в голосе сказала Катя. — Я знаю!

На Катино счастье, к утру потеплело.

Провожая дочку в передней, мама туже застегнула серенький меховой воротник её шубки.

— Далеко от старших не отходи, — сказала мама. — Собирай спокойно. Всех семян из лесу всё равно не унесёшь. Слышишь?

— Слышу, мамочка, не беспокойся. До свиданья, бабушка!

И Катя вышла из дому.

День был весёлый, солнечный. В вестибюле школы стоял разноголосый гул. Школьницы были в шубках, в валенках. Многие держали в руках лыжные палки.

— А палки зачем? — спросила Катя у своей подруги Насти Озеровой.

— Семена сбивать с веток, — ответила Настя.

Электричка умчала весь отряд за город.

Смешанный лес — лиственный и хвойный — начинался недалеко от станции. Это был тот самый лес, куда Катя ходила летом за ягодами. Но теперь лес был ещё величественнее в своём зимнем уборе. Сыроватый снег облепил ветви, яркое солнце осветило их. Лес так и сверкал. Стояла какая-то особенно торжественная, зимняя тишина.

— Посмотрите, девочки, — сказала старшая вожатая Надежда Ивановна, — сколько семян под этим ясенем!

Негромкий голос её свежо звенел в лесной тишине.

Под ясенем, по пушистому снегу, были набросаны нежные тоненькие семена, похожие на крошечные вёсла. Надежда Ивановна наклонилась, осторожно подобрала семена, и на снегу — в тех местах, где они лежали, — остались чуть заметные продолговатые выемки.

Девочки разошлись группами по тропинкам и принялись собирать семена. Вдруг Настя вскрикнула:

— Семена липы! — И бросилась подбирать листочки, торчавшие из-под пушистого снега. На каждом стебельке сидели крошечные коричневые шарики. Настя осторожно положила шарики в варежку.

— На земле мало семян, — сказала Ира Ладыгина. — Дай-ка на минутку твою палку, Настенька. Сейчас семена сами посыплются.

Подпрыгнув, Ира хлопнула палкой по самой нижней ветке, и на голову ей и подругам посыпался снег. Девочки, смеясь, отскочили, а потом бросились подбирать упавшие семена.

— Девочки, — сказала Катя, — мы так очень мало соберём. Ведь не одно в лесу дерево. Нельзя толпиться всем на одном месте. Я от вас ухожу.

— И я с тобой, — сказала Аня Лебедева.

И обе девочки пошли по лесу, утопая чуть ли не по колено в снегу. А Настя, присев на корточки, продолжала неторопливо собирать семена липы. Остальные девочки принялись подбирать семена ясеня. Мешочки у них быстро наполнялись.

Скоро Надежда Ивановна хватилась, что не видно Кати и Ани.

— Девочки! Катя, Аня! Где вы? Ау! — закричала Надежда Ивановна.

Из-за белых зимних зарослей леса звонко отозвались два голоса:

— Ау-у!

— Идите сюда! — опять крикнула Надежда Ивановна.

— Сейчас! — снова откликнулись Катя и Аня.

Но прошло ещё немало времени, прежде чем девочки, наконец, появились. И валенки, и шубки, и даже шапочки у них были в снегу. Катя слегка прихрамывала, и Аня вела её за руку.

— Ну, что скажете? — строго спросила Надежда Ивановна.

— Сейчас всё расскажем, — начала Катя. — Только, Надежда Ивановна, по-

жалуйста, не сердитесь и не беспокойтесь. Всё очень хорошо!

Катя присела на пенёк и начала рассказывать:

— Сначала мы ничего не находили, одни пустые еловые шишки. Вдруг видим — под одним клёном полно семян! Только туда не пробраться: кустарник мешает. И снегу уж очень много. Видно, туда никто ещё не залезал.

— Ну конечно, — сказала Надежда Ивановна. — Если никто не залезал, значит Кате Снегирёвой уж обязательно надо было залезть. Кому же ещё охота!

— Ане тоже была охота, — весело подхватила Катя. —Только я первая забралась под клён и провалилась. Но это ещё ничего. А потом я хотела взобраться на этот клён и стала карабкаться. Аня меня держит, а я лезу и сбиваю семена комочками снега и прутиками. И вдруг я как-то не удержалась и упала. Но зато сколько семян мы собрали! Вот посмотрите: и в карманах семена, и в мешочках, и в варежках...

На другой день девочки принесли в пионерскую комнату «урожай», как они шутя называли собранные семена.

Принимая у школьниц кульки, мешочки и пакетики, Надежда Ивановна сказала:

— Ну, поздравляю вас, девочки. Хорошо поработали. На этой неделе отвезёте семена в академию.

— Куда? — удивились девочки. — Как вы сказали?

— В Сельскохозяйственную академию имени Тимирязева, — повторила Надежда Ивановна таким тоном, словно ничего необыкновенного во всём этом не было.

Спустя несколько дней Катя, вместе с отрядной вожатой Олей и со своими одноклассницами Настей и Лерой, медленно поднималась по узенькой деревянной лесенке одного из зданий академии. Всё было странно в этом круглом доме с загадочным названием: «Лесной кабинет».

На стене вдоль лестницы были развешаны огромные срезы, похожие на колёса.

— Олечка, — спросила тихонько Настя, — что это за колёса?

— Сейчас всё узнаем, — ответила Оля шопотом.

Навстречу девочкам шла пожилая женщина с серебристо-белой головой, в чёрном халате. Улыбаясь, она раскинула руки так, словно хотела обнять сразу всех четырёх девочек.

— К нам опять, дорогие гости? — сказала она. — Ну, заходите, заходите!

Все вошли в светлую комнату с полукруглыми столами, со снимками дубрав и рощ и с рядами книг за стеклянными дверцами шкафов.

— Ну, снимайте рюкзаки, раздевайтесь и отдохните, — сказала гостям хозяйка лесной комнаты. — Откуда вы, девочки? Из какого района?

— Мы из центра, — ответила Оля, спуская с плеча лямку рюкзака.

— Из центра? — удивилась седая сотрудница. — Где же вы набрали столько семян?

— Мы ездили в лес, — бойко ответила Настя, распуская шнурок своего мешочка.

— А вы не спутали семена? — спросила, всё так же улыбаясь, сотрудница.

— Нет, нет, что вы! — наперебой заговорили девочки. — Вот посмотрите, пожалуйста: в этих рюкзаках клён и ясень, их больше всего. А в мешочках — липа. Её меньше. Труднее было собирать.

— Липа? Ну, за липу вам большущее спасибо! Вы даже не представляете себе, какие это ценные семена!

Девочки только молча переглядывались. Они и сами не ожидали, что эти скромные мешочки семян будут приняты с таким почётом и радостью.

— А какие семена самые-самые ценные? — спросила Лера.

— Липа мелколистная, — ответила сотрудница. — Как раз то, что вы и принесли. Ещё жолуди очень ценятся. А сейчас пойдёмте, я вам покажу нашу библиотеку леса.

И Екатерина Васильевна — так звали сотрудницу — повела школьниц в одну из комнат лесного дома.

Столы этой комнаты были тесно уставлены стеклянными банками и пробирками с разными семенами, а по одной из стен, почти до самого потолка, высились на полках огромные толстые книги. Приглядевшись, девочки увидели, что это вовсе не книги, а ровные деревянные бруски с ярлычками, прибитыми к корешкам.

— Это у нас коллекция древесных пород, — объяснила Екатерина Васильевна. — Вы, наверно, приняли их за книги? Так сначала кажется всем. Но знаете, девочки? Эти книги тоже можно читать. Да, да, я не шучу. Они могут вам рассказать, как их зовут и где их родина. А если вы сосчитаете круги на этих срезах, — и Екатерина Васильевна показала на срезы, стоящие в углу, — вы сможете узнать, сколько лет прожило дерево на свете.

Наклонившись над большим срезом дуба, Оля, Настя и Лера принялись считать на нём круги, а Катя, не отрывая глаз, всё ещё смотрела на полки с этими необыкновенными книгами. Она думала о том, что когда-то книги эти росли в лесу и каждая из них шелестела листвой.

И ещё она думала о том, что из семян, которые она собрала с подругами в лесу, вырастет лет через десять-пятнадцать большой, тенистый лес...

ЦВЕТАН АНГЕЛОВ

Рис. Е. РАЧЁВА

ДОЛГОУШКО-НЕПОСЛУШКО

Месяц круторогий
К облакам примёрз.
По лесам шагает
Ледяной мороз.

Трёх зайчат зайчиха
Спрятала в дупле:
На дворе морозно,
А они — в тепле.

Веток им на ужин
Подала сама:
Лучшей пищи нету —
На дворе зима.

Недоволен старший
Эдакой едой,
Хочет Долгоушко
Травки молодой.

Мать его спросила:
— Где травы нарву,
Если белым снегом
Занесло траву?

Зайка наш надулся
И решил: «Сбегу
И зелёной травки
Разыщу в снегу.

Попасусь немного, —
Думал серый мой, —
А под утро сытым
Возвращусь домой».

Из дупла зайчонка
Прыгнул и бежит,
От трескучей стужи
Ёжится, дрожит.

Видит зайка:
светит
Что-то за ветлой.
Что это такое?
Может, пень гнилой?

Прыгнул зайка смело
На огонь тотчас.
Прыгнул и подпрыгнул:
Это пара глаз!

И увидел зайка
Пред собой лису.
Где же наша мама?
Нет её в лесу!

А лисица зайку
Лапой хвать за бок!
Изловчился зайка,
От лисицы — скок!

Лишь сверкают пятки —
Мчится зайка мой.
Утром в рваной шубке
Прибежал домой.

Положили зайку
Дома на кровать,
Горькою микстурой
Стали угощать.

Ставили компрессы
Зайке так и сяк.
И теперь от мамы
Зайка ни на шаг!

Перевод с болгарского

НА ПОРОГЕ ВЕСНЫ

Г. СКРЕБИЦКИЙ *Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО*

Я поехал за город в лес — поглядеть, заметно ли там приближение весны, а кстати и осмотреть места прошлогодних тетеревиных токов.

День был солнечный. В городе сильно таяло. Но я всё-таки захватил с собой охотничьи лыжи. Лыжи у меня не простые. Я привёз их из экспедиции с далёкого севера. Они — широкие и снизу подбиты шкурами от лосиных ног. На таких лыжах и в оттепель ходить можно — снег не подлипает.

Приехал я на маленький полустанок, надел лыжи — и прямо в лес. Хорошо, очень хорошо в нём в эту предвесеннюю пору! Весна чувствуется ещё только в воздухе. Солнце так и слепит глаза. Небо уже по-весеннему голубеет, и по нему, будто льдинки в весенний разлив, плывут лёгкие белые облака. Небесный ледоход уже тронулся, а земля всё ещё покрыта льдом и снегом. Деревья и кустарники тоже в снегу, совсем по-зимнему.

Я шёл по лесной тропинке, глядя по сторонам. Вот и широкая поляна, где каждую весну токуют тетерева. А сколько здесь заячьих следов! Весь снег истоптан. Теперь зайцы нередко гуляют и днём: выскочат на полянку, усядутся поудобнее и греются на солнышке.

А вот и ещё один признак приближающейся весны: около старого пня, на самом солнцепёке, уже виднеется крошечная проталинка. Я наклонился к ней и стал внимательно осматривать этот первый клочок оттаявшей земли.

Он был покрыт серой прошлогодней травой. Среди засохших стебельков копошились какие-то жучки. Они проспали всю зиму под корой старого пня или под

опавшими листьями и теперь выбрались на проталинку.

Я сел на пень отдохнуть. Кругом было тихо. Только где-то далеко в лесу, как серебряный колокольчик, звенел голосок синицы — первая песня весны.

Вдруг среди этой лесной тишины я ясно услышал хруст снега и шум раздвигаемых веток. Кто-то с трудом продирался сквозь чащу молодого березняка. Но кто же это? Человеку незачем ходить по таким местам. Охотник — и тот не пойдёт теперь в лес. Зимняя охота уже кончилась, а весенняя ещё не началась. Наверное, какой-нибудь лесной зверь. Я затаился.

Шаги и треск сучьев слышались всё ближе, ближе. И вот из чащи березняка у самой полянки показалось что-то большое, тёмное. Неужели лошадь? Зачем же она забрела сюда?

Но в тот же миг я ясно увидел, что это не лошадь, а огромный лесной бык — лось. Он вышел из мелколесья на полянку и, высоко подняв голову, огляделся.

Я сидел не шевелясь, и ветер дул в другую сторону, так что осторожный зверь не мог меня учуять.

Как он был хорош, весь освещённый весенним солнцем, на белом фоне заснеженного березняка! И какой странный своеобразный облик у этого лесного гиганта! Длинная горбоносая морда, огромные,

будто вывороченные корни, рога. Сам такой тяжёлый, грузный, а ноги высокие, стройные, словно у скакового коня.

Лось постоял секунду, чутко прислушиваясь. Потом широко зашагал по краю полянки, как-то странно поматывая головой, точно стараясь что-то сбросить.

Впереди густо росло несколько уже довольно толстых берёз. Лось не обошёл их, а полез между стволами, всё так же мотая головой. И тут я увидел, что один рог у него вдруг отломился, да так и застрял, качаясь в ветвях. Из березняка лось вышел только с одним рогом и, не торопясь, скрылся в лесу.

Вот почему он так странно мотал головой. Это лесной великан сбрасывал к весне свой тяжёлый головной убор. И второй рог тоже сбросит где-нибудь в чаще леса. А за лето у него вырастут новые рога, ещё больше прежних, с новыми отростками. По числу этих отростков охотники примерно и узнают, сколько лосю может быть лет.

Когда лось совсем скрылся за деревьями, я подошёл к берёзам, вытащил из ветвей сброшенный рог и, захватив с собой, отправился обратно на станцию.

Весь вагон сбежался глядеть на мою находку. Все охали, ахали, вертели лосиный рог в руках. А какой-то старичок пощёлкал по нему пальцем и сказал:

— Это лось теперь зимнюю шапку ломает, с весной здоровается.

ПЕТЕР СИЛС

СКВОРЕШНЯ

В день весёлый мартовский
Трудится безустали
На крылечке Вилит:
Колет, тешет, пилит.

Что же он такое
Мастерит и строит?

В день весёлый вешний
Строит он скворешню.

А свинья-хавронья
Говорит спросонья:
— Главное забыто:
В доме нет корыта!

А петух в обиде:
— Там насест не виден!
А баран заохал:
— Без кормушки плохо!

Мальчик им ни слова.
Дом несёт готовый
Он к берёзе тихой
Для скворца с скворчихой.

Вот скворец с подругой
Прилетают с юга:
— Домик нам по нраву,
Выстроен наславу!

Перевела с латышского
Надежда Павлович

Г. АБРАМОВ

Рис. В. КУРДОВА и В. ТРОФИМОВА

СТИХИ-ЗАГАДКИ ПРО ПТИЧЬИ ПОВАДКИ

* * *

Ты его узнаешь сразу:
Белоклювый, черномазый,
Он за плугом важно ходит,
Червячков, жучков находит —
Верный страж и друг полей,
Первый вестник тёплых дней.

* * *

«Ку-ку!»
Достаточно сказать,
Чтобы загадку
Отгадать.

* * *

Это старый наш знакомый:
Он живёт на крыше дома —
Длинноногий, длинноносый,
Длинношеий, безголосый.
Он летает на охоту
За лягушками к болоту.

* * *

«Сотру, сотру!» — кричит.
В кору, в кору стучит.
Живёт в глуши лесной
И летом и зимой.
Старательный работник —
Лесной носатый плотник.

* * *

Он летит с болота к ниве
С громким криком: «Чьи вы? Чьи вы?»

На обложке — рисунок А. Лурье На обороте обложки — рисунок В. Трофимова

Год издания двадцать седьмой **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д 3-20-90, доб. 1-06 Подписано к печати 6/II 1951 г. А01137
2,8 уч.-изд. л. Бумага 60×92¹/₈ = 1,5 бум. л. = 3 печ. л. Тираж 250 000 экз. Заказ 62.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, Сущёвская, 21.